

МАСТЕР АБСУРДА

ПРОЗА
АНДРЕЯ ВОЛОСА

АНДРЕЙ ВОЛОС

РАССКАЗЫ
ИЗ
ПИАЛЫ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Волос, Андрей.
В68 Рассказы из пиалы : сборник / Андрей Волос. —
Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-097396-5

«Чтобы разглядеть невидимое, совсем не обязательно сплошь мараить его тем, что доступно зрению: достаточно лишь чуть забрызгать поверхность кажущейся несуществующей реальности, а воображение тут же достроит ее истинные контуры...» Рассказы Андрея Волоса, вошедшие в этот сборник, повествуют о разных временах и событиях, но все они — завораживающая поэтическая и философская проза, полная звуков, запахов, смеха и слез, которая заставляет взглянуть на мир с неожиданной стороны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097396-5

© Волос А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

МУРЗИК

1

Шумела весна, стояла теплынь, солнце светило с яркого неба, а у нашего Мурзика была чумка, и он умирал.

Он расслабленно лежал в углу дивана на сложенном вчетверо байковом одеяльце. Нос был сухой и горячий. Полузакрытые глаза безучастно смотрели в стену.

Я осторожно касался пальцем потускневшей, свалывшейся за время болезни шерсти.

— Мурзик! — тихо звал я. — Мурзик!

Мурзик не реагировал. У него была чумка, а коты от чумки умирают.

Чтобы не нагнетать лишнего напряжения, скажу сразу, что он, слава богу, не умер. То есть что значит не умер? Теперь-то его все равно уже нет на белом свете — ведь кошки не живут долго...

А к нам Мурзик попал совсем маленьким, чуть только не слепым. Не буду распространяться о том, каким он был славным в этом нежном возрасте. Котята все смешны и похожи: все они примерно одинаково скачут за бумажкой на ни-

точке, валяются по полу, кувыркнувшись с разбега через голову, охотятся за тапочками, горбятся, грозно идут боком вприпрыжку и, припрыгав почти вплотную, вдруг, дико вытаращив глаза, совершенно по-человечьи встают на задние лапы, широко раскинув передние, точь-в-точь как это делают старые друзья, случайно встречаясь на улице.

Потом он вырос и превратился в большого боевого кота. В сущности, ничего примечательного в нем не было — самый обыкновенный кот самой плебейской тигриной расцветки. Серенький в полоску.

Жилось ему у нас неплохо. Холеньй, закормленный, летом и осенью он был толст, медлителен и вальяжен, ступал с достоинством. Окном в мир, равно как и дверью, ему служила форточка. Он часами сидел на ней, рассматривая шевеление листвы и прыгающих в пыли воробьев, а потом вылезал наружу.

Все окна первого этажа в нашем большом доме были забраны решетками. Нагулявшись, Мурзик молча вспрыгивал с земли на оконный карниз, несколько времени топтался на нем, глядя вверх, на форточку, примеряясь и нервно перебирая лапами, наконец отталкивался, норовя попасть головой в одно из ромбических отверстий решетки, а затем неистово продирался внутрь, скребя когтями, мучительно сплющиваясь, кособочась, на воровской манер протискивая сначала одно, а потом и другое плечо.

МУРЗИК

В середине зимы Мурзик начинал гулять. Скоро бока западали, глаза на сухой морде начинали светиться сумасшедшим огнем, весь он покрывался болячками и шрамами, совершенно терял рассудок и превращался в жалкое безмозглое существо, способное только пьяно орать по ночам.

Зато когда он теперь ненадолго заглядывал домой — вроде как на побывку: помыться, побриться и вообще передохнуть перед новыми боевыми действиями, — решетка уже не представляла для него серьезного препятствия. Он змеился сквозь нее, словно куница.

Мать встречала его попреками:

— Пришел! Явился не запылится! Где шлялся три дня, дурак старый?! Гуляешь все! Смотри, догуляешься! Прибьют тебя где-нибудь!..

Мурзик ковылял за ней по кухне, с яростным мурлыканьем бодал ноги. Наконец она ставила на пол мисочку. Сиротски выставив острые лопатки, он припадал к ней, косясь по сторонам, глотал, давился, жевал, хрустя попадающимися на зуб жилами и выворачивая голову то на один бок, то на другой. Когда миска пустела, он некоторое время одурело сидел перед ней, потом отходил пошатываясь, садился возле шкафа. Начинать было послеобеденный туалет, вылизывал один бок, но тут силы его покидали. Он плелся в комнату и засыпал по-солдатски — то есть где сон сморил, там и повалился.

2

Надо сказать, что сейчас, много лет спустя, вспоминая, как он вспрыгивал на колени, как щурился и вытягивал пушистую шею, если кто-нибудь из нас почесывал ему подбородок и горло, как ярился, как суживал глаза и бил лапой (играя с Мурзиком, я подчас доводил его до последнего градуса бешенства, и в его злобном взгляде начинало сквозить сожаление, что он не может стать на минуточку тигром, чтобы меня сожрать), — представляя себе его сытую степенность, невозмутимую холодность, барскую походку и то искреннее изумление, которое неизменно воцарялось на усатой физиономии, когда он обнаруживал, что опять кому-то до него есть дело, — представляя себе все это, я не могу отделаться от ощущения, будто речь идет не о коте, а о человеке.

Так устроено воображение. Наверное, мы не могли бы испытывать к животным ни любви, ни жалости, если бы не полагали, что они мыслят и чувствуют так же, как мы сами: как люди, но люди небольшого роста и не вполне самостоятельные — забывчивые, требующие нескончаемых напоминаний и повторов одного и того же даже в тех случаях, когда, казалось бы, все можно отлично запомнить с первого раза; о которых всегда приходится заботиться и наставлять на путь истинный. Люди — но как будто не взрослые. Короче говоря, мы числим их детьми.

МУРЗИК

За примерами далеко ходить не надо. Один мой приятель жутко расстраивался, если в присутствии его шотландской овчарки звучало бранное слово. Другой под занавес дружеской вечеринки просил пару-другую зерен кофе, чтобы перебить запах спиртного; жуя, то и дело безнадежно махал рукой и сокрушенно повторял: «Черт возьми, вот ведь не хотел пить, не хотел... Все равно Семен учует... Его не проведешь... Будет думать, что я алкоголик...» Излишне объяснять, что Семеном звался его доберман-пинчер.

3

Или, например, однажды наш шофер поймал сурка. Сурок — это довольно большой и мышленный зверь, толстый в зад; вид у него чрезвычайно мирный и разнеженный, будто он только из-за праздничного стола. Я их много видел. Всегда они сидят возле нор и посвистывают. Этот замечтался, уши развесил на солнышке, а когда спохватился — поздно, его уже в мешок сунули. Шофер радовался — дуриком получилось.

Солнце садилось, степь розовела, холмилась, тени вытягивались по траве. Мы были возбуждены — еще бы, удача такая, на шарап сурка поймать, — громко хлопали дверцами, переговаривались, и голоса по равнине летели далеко-далеко.

Машина у нас была закрытая — «уазик». Сурку все равно убежать некуда, поэтому его вытрях-

нули из мешка. Он забился в угол, стал озираться. Поглазели мы на него, еще немного посмеялись, а шофер даже подразнил палкой, и сурок бросался и фыркал. Потом шофер сел за руль, я тоже уселся, и машина поехала. Поначалу медленно, переваливаясь и подпрыгивая на кочках. Скоро на дорогу выбралась, прибавила ходу и стала уезжать все дальше и дальше от того места, где жил этот сурок. И было все это для него, должно быть, очень страшно. Сурок сел столбиком, как возле норы (это ему с трудом удавалось, сидеть столбиком, потому что машину трясло и качало, и он то и дело чуть не падал на бок, переступал и горбился), прижал передние лапы к глазам. А из глаз градом текут крупные частые слезы. И вот он сидит таким манером, трет кулачками глаза и горестно вскрикивает:

— Ма! Ма! Ма!

Ну просто все равно что «мама»!

Так мы ехали минут пятнадцать или даже меньше, а потом шофер — суровый, даже жестокий человек, много всякой гадости повидавший на своем шоферском веку, — вдруг остановил машину:

— Да ну его к черту, крикуна! Давай выгоним!

И я тут же обрадованно согласился:

— Да конечно, ну его к черту!

А все дело было в том, что, когда шофер за ним охотился, сурок только царапался и бился и вовсе не был похож на человека. А теперь стал, да так, что мурашки по коже. Мы оба его пожале-

МУРЗИК

ли, но друг перед другом, как это бывает, жалости своей показывать не хотели. Поэтому вылезли из машины нарочито шумно, чертыхаясь — вот, мол, из-за всяких дурацких сурков то и дело останавливаться, когда времени нет, — грубо затопали по сухой пыльной земле сапожищами. А сурок свое:

— Ма! Ма!

И кулачком слезы вытирает.

— Вот же гад, а! — сказал шофер и полез в задний отсек открывать дверь, зашумел там: — Иди, иди, пошел вон, иди отсюда!

Сурок не стал дожидаться повторения — прыг в проем и шеметом по степи, вскидывая задом.

Шофер ему злым голосом кричит:

— У, сволочь жирная!.. Надо было тебя сапогом под зад, чтобы знал!

И долго мы еще вслед его дружно материли.

А потом сели в машину и поехали дальше, смеясь.

А если бы не увидели в нем человека, сурку пришлось бы худо: кричи не кричи, а довезли бы его до места, там бы, наверное, убили, из шкуры сделали шапку, а сало вытопили и пользовали бы им легочных больных.

4

Это длинное отступление, приведшее к вовлечению в круг нашего внимания еще двух собак и сурка — как будто одного кота мало! — понадо-

билось мне только для того, чтобы никто не подумал, будто я совершаю какую-то ошибку, написав: а все-таки странный он был человек, этот Мурзик!

Нет, ну правда. Мы, люди, относились к нему совершенно так же, как если бы он был человеком. Он к нам — иначе. Грубо говоря, он, в свою очередь, не хотел признавать в нас котов. И вот убей меня, я до сих пор не могу понять, чем же мы были для него нехороши.

Казалось бы, стоит ему на минутку задуматься, как все станет понятно — кто какую ступень эволюции занимает, кто какую роль играет в прогрессе, кто, в конце концов, венец творения, а кто — всего лишь мелкая зверушка, начисто лишенная такого необходимого в быту чувства, как благодарность.

Мы его кормили, поили и давали кров. Мы обращались к нему уважительно, по имени... Да если вспомнить все, что мы для него делали, перечень займет целую страницу. И — хоть бы хны! Как об стенку горох! Пусть бы это был какой-нибудь незначительный, мелкий знак, свидетельствующий о том, что он благодарен, что понимает, чем обязан, — мы были бы удовлетворены.

Дудки!

Он упрямо не хотел родниться с нами.

Если бы он сделал хоть малую уступку, ему легко удалось бы нас обмануть, представ в образе такого романного героя: снаружи мрачного затворника, кичащегося независимостью и одиночеством, а внутри в высшей степени доброго суще-

МУРЗИК

ства, всегда готового отдать последнюю рубашку и защитить от хулиганов.

Да, мы были бы рады обманываться, но увы, увы — он и в этом направлении лапой не пошевелил. Он не хотел иметь с нами ничего общего, кроме еды и дома, не собирался уступать, и ни лезть, ни ветчина не могли склонить его к признанию того факта, что все-таки мы немного похожи.

А если кто-нибудь начинал громко выговаривать что-нибудь в этом духе ему, дремлющему после сытного ужина, Мурзик, прекрасно понимая, о чем идет речь, едва разлеплял свои наглые, рассеченные грифельными зрачками глаза. Но отнюдь не поворачивал головы в сторону говорящего, не достаивал его взглядом, а смотрел сквозь эти свои щели туда, куда бог привел, — на пол так на пол, на миску так на миску. На его недовольной насуспенной морде отчетливо читалось: когда ж ты замолчишь-то, наконец! Если поток беспокоящих слов не прекращался, он, так и не раскрыв глаз хоть немного шире, лениво приподнимался, затем вспрыгивал на форточку и был таков.

5

На чем основывалось это бесконечное превосходство? Может быть, он был — или считал себя — умнее? мудрее? многоопытнее? Не зря же, в конце концов, бытует мнение, что кошки — мудрые животные. Один мой приятель любит рас-

сказывать о своем коте историю, которая якобы свидетельствует о его (кота) безграничной мудрости и в какой-то степени о мудрости кошек вообще. История сама по себе очень простая. Уж я не знаю, какая в том была нужда, но как-то раз этот мой приятель лежал среди бела дня в постели с женщиной. Излагая историю, он всегда умалчивал о том, что и в какой последовательности выдвигал, только когда в конце концов утомился, с понятным стыдом и трепетом заметил вдруг, что кот сидит прямо над его головой на шкафу и с ленивым любопытством наблюдает происходящее. «И в его глазах, — говорит мой приятель, и голос его начинает подрагивать от нешуточного волнения, — я увидел такую мудрость, такую ласковую снисходительность, такую мягкую насмешку, которую можно было бы прочесть разве что во взгляде отца, следящего за тем, как резвятся его глупые дети! Кажалось, он говорил: да-а-а, что делать, жизнь такова, она и впредь будет подсовывать вам множество самых никчемных занятий!.. Что делать!.. Как мне винить вас, несмышлениши! Все пройдет со временем, а пока... пока вы юны, глупы и беззаботны, кровь туманит ваш слабый мозг, опыт еще не остудил сердец... Что делать, гуляйте, ребята! Хотелось бы, конечно, чтобы вы не плодили ненужных иллюзий и не думали, будто занимаетесь каким-то важным делом, — ведь это пройдет, как прошло многое, слишком многое...» Вот каким содер­жательным взглядом смотрел кот со шкафа. Во всяком случае, так утверждал мой приятель.

МУРЗИК

Не знаю. Мудростью мы не мерились, а вот ограниченность своего ума Мурзик выказывал неоднократно. Так, например, он панически боялся кофемолки. Зато, как только представлялся случай, ярился и вопил, порываясь вступить в честный поединок с маминой мутоновой шапкой, коей то ли запах, то ли цвет приводил его в неистовство. Должно быть, он полагал, что им двоим — ему и шапке — тесно на земле, почему и стремился ее немедленно задушить. Шапку прятали, тогда он немного успокаивался, горделиво расхаживая, словно побоище уже состоялось и он вышел из него победителем.

Или вот нашел я однажды в горах здоровущий выползок — змеиную шкуру, сброшенную во время линьки. Она была длинная, сухая, полупрозрачная, блестящая и при каждом прикосновении издавала скрипучий шорох. Я скатал ее рулончиком и сунул в карман.

Когда дома я бросил ее на пол, где она стала с опасным похрустыванием разворачиваться, Мурзик взлетел на стеллаж и повис на самой верхотуре.

— Ну что ты, дурак, — сказал я, — это же просто шкура, она не кусается!

В качестве доказательства я пошевелил ее ногой, отчего она снова захрустела и зашевелилась. Мурзик обреченно напрягся и завел боевую песнь. Судя по всему, он решил живым не даваться и готовился продать жизнь подороже.

Но даже и в этот момент, изготовившись к самому худшему, он все же предпочел остаться